

С. Н. Кистерев

К ОЦЕНКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ТАМОЖЕННЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ XVII ВЕКА

Расхожим является мнение о низкой образованности основной массы населения России в XVII веке. Оно основывается, главным образом, на свидетельствах иноzemных писателей, лично весьма мало общавшихся с кем-либо, помимо представителей правительственныеых структур и приставленных к ним в качестве сторожей и соглядатаев лиц, но наслышанных об отсутствии в стране учебных заведений, подобных западноевропейским университетам. При этом исследователями, как правило, упускается из вида, что и за пределами Русского государства слушателями университетских курсов была незначительная часть населения, тогда как познания большинства людей немногим отличались по уровню осведомленности в последних достижениях научной мысли от рядовых горожан или крестьян в России.

Тем не менее, это мнение иной раз является основанием для суждения об особенностях некоторых типов документации XVII в., являющимиhsя источниками сведений для историков, живущих столетия спустя. В качестве примера можно привести фрагмент из книги Ю. А. Мизиса, то место, где автор говорит о характерных чертах таможенных книг, созданных в городах Центрального Черноземья. «В большинстве городов на Юге России, — пишет Ю. А. Мизис, — таможенную службу несли безграмотные или малограмотные таможенные служители и не всегда хорошо подготовленные подьячие. Поэтому качество оформления многих документов оставляло желать лучшего. В частности, по многим городам в 50–70-е гг. XVII в. подьячие пропускали информацию о социальной принадлежности торговца, объеме привозимого товара или стоимости партии, месте его приобретения, редко указывались сведения о конечном пункте следования торговца с приобретенным товаром. Видно, что таможенных служи-

телей интересовали сведения о фамилии или прозвище, имени и иногда отчестве торговца, его месте жительства, наименовании товара и суммах взятого налога. В некоторых городах велись отдельные записи о соляной и рыбной торговле, книги о конской торговле и продаже вина. В других городах все эти записи объединялись в одну книгу. ... Продажа соли шла как „соляной торг“ без указания места и качества вывезенной соли, ее объема, а скота и рыбы — под общими записями без уточнения количества и объема продаваемого товара».¹ Столь обширная цитата необходима, поскольку в данном пассаже исследователь перечисляет, видимо, все обнаруженные им недостатки в делопроизводстве южнорусских таможенников.

Однако Ю. А. Мизис в этом случае, как кажется, рассуждает с позиций тех из современных историков, кому наличных источников всегда мало, а предоставляемых ими сведений — недостаточно. Иное дело, насколько выявленные им минусы представлялись таковыми как самим таможенникам той далекой эпохи, так и их руководителям в Москве. Ответ на этот вопрос позволит судить, действительно ли названные особенности таможенной документации проявились вследствие малограмотности и профессиональной непригодности ее составителей.

Для начала попробуем уяснить, почему служителей интересовали именно те сведения, которые, как отметил Ю. А. Мизис, они считали должным отразить в создаваемой книге. Напомним, что главной обязанностью таможенников было собирать пошлины в соответствии с существовавшими в данном городе нормами, но, желательно, в большем объеме, чем их предшественники на том же посту. О своей деятельности они должны были по истечении срока службы отчитаться перед администрацией московских приказов, а последнюю, по понятным причинам, интересовала именно общая величина сбора пошлин, коль взимания с каждого отдельного торговца не встречали возражений со стороны этого последнего и не вынуждали заниматься разбирательством в конкретном случае. Таможенные служители на местах создавали документы не для собственных нужд или интереса, но для отчета высшим структурам, и естественно, что эти документы должны были удовлетворять требования именно этих структур. Поэтому указание суммы взятого налога было обязательным, отчего всякий раз и встречается в книгах.

Размер же взимаемых пошлин определялся местожительством товаровладельца. Уставные таможенные грамоты всякий раз строго раз-

¹ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 25.

личают пошлины для туземных торговцев, с одной стороны, и для иногородних, с другой.² Причем это единственный признак, влияющий на норму обложения, тогда как социальная принадлежность торговца и даже происхождение самого товара не имели значения для величины и ассортимента пошлинных сборов. По этой причине таможенники должны были указывать, являлся ли продавец или покупатель местным или пришлым на данном рынке. Естественно, что при этом обязательным было зафиксировать и сведения, позволяющие идентифицировать саму личность товаровладельца, тем более, что ему выдавалась выпись, подтверждающая в будущем уплату им пошлин. Данными обстоятельствами и объясняется появление анкетных данных для каждого, предъявившего товар или деньги для реализации в округе, подведомственной данному пункту таможенного контроля.

Трудно сказать, насколько раздельный или в общем порядке учет торговли отдельными видами товаров, как то конская, рыбная, соляная или винная, свидетельствует о степени грамотности или, шире, профессиональной пригодности лиц, занимавшихся сбором таможенных пошлин с этих видов торговых операций. Так или иначе, пошлины собирались, очевидно, в соответствии с существовавшими нормами, что было куда важнее. Не исключено, что ведение отдельных книг обусловливалось наличием нескольких целовальников, специализировавшихся именно на таких товарах, или различием мест, в которых являлись эти товары в каждом отдельном городе. Однако понятно, что на итогах деятельности таможенников, как они оценивались в Москве, данное обстоятельство не сказывалось.

На объем взимаемых пошлин существенно влияла предназначность товара для вывоза за пределы данного таможенного округа. При этом конечный пункт его транспортировки не играл в данном отношении никакой роли, отчего и указание на дальнейшее направление пути можно рассматривать лишь как случайность, а отсутствие оного ни в коей мере не говорит о нерадивости или неразумии таможенников.

² Как пример, см. уставные таможенные грамоты Калуги, Перевитска, Курска и Ельца (Кистерев С. Н. 1) Документы о таможенном деле в Калуге и Перевитске в начале 20-х годов XVII в. // ОФР. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 147, 153; 2) Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. // ОФР. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 230; 3) Таможенные правила в Ельце в 1620–1629 годах // ОФР. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 321). См. также: Кистерев С. Н. Особенности происхождения уставных таможенных грамот южнорусских городов в первой трети XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 78–82.

Сведения об объеме привозимого или провозимого товара представлялись важными для контроля за действиями товаровладельца во избежание беспошлинной продажи им товара по пути между отдельными таможенными пунктами. Эти данные удостоверялись представляющей или получаемой таможенной выписью и были существенны больше для торговца, чем для таможенников, уже составлявших отчет в виде книги сбора пошлин. Следовательно, и эта графа в создаваемой документации не должна была представляться обязательной, поскольку отчитывались в объеме сборов, но не в массе подлежащих обложению товаров. Стоимость же этого товара сказывалась опять-таки на объеме пошлинного сбора в момент его осуществления, но после того, как пошлины были взяты, не представляла существенного интереса ни для таможенников на месте, ни для начальствующих лиц в московском приказе. И, тем более, для всех их не имело значения качество предъявленного товара, будь то соль или нечто иное. Разумеется, качество в какой-то степени определяло цену и, соответственно, общую стоимость товарной партии, но могло и должно было заботить ее владельца и потенциального покупателя, но никак не таможенников. Для этих последних решающим моментом была оценка реализуемой товарной массы в целом. Осматривая являемый товар, они видели и степень соответствия его рыночному стандарту, но фиксировать эти сведения в отчетной документации не имело для них никакого смысла.

Следует отметить, что указанные Ю. А. Мизисом характерные черты южнорусских таможенных книг не являются таковыми только для них. На Русском Севере, например, в Великом Устюге, таможенники, даже приводя данные об ассортименте и объемах товаров, отнюдь не всегда указывали стоимость каждого отдельного вида, предпочитая исчислять общую для всей партии в целом. Их, видимо, столь же мало занимали происхождение и качество товаров, социальная принадлежность их владельца или направление передвижения и конечный пункт транспортировки. При этом крайне важно учитывать то обстоятельство, что таможенными головами, осуществлявшими надзор за деятельностью непосредственных исполнителей — целовальников, на Севере зачастую выступали представители слоя крупных предпринимателей торгово-промышленного класса, которых трудно уличить в малограмотности.

Примечательно, что отчетные документы, каковыми, повторимся, являлись таможенные книги, и южные, и северные, без каких-либо нареканий принимались руководителями приказов, Разрядного или Устюжской или Новгородской четвертей. Это означает, что представленные в них сведения рассматривались как достаточные, а способ их записи как удовлетворительный. Следовательно, качество при-

сылаемых в приказы книг отвечало требованиям приказных властей, среди которых нередко встречались выходцы все из тех же торгово-промышленных кругов, прежде получения дьяческого чина удостоившихся за свои заслуги высокого звания гостя.

На своем посту в приказе дьяки были озабочены величиной таможенных сборов в подведомственных им городах, но не коллекционировали статистические сведения об ассортименте товаров, их происхождении, объемах и качестве. Некоторые из них, в прошлом сами будучи таможенными головами, интересовались адекватностью норм пошлинных окладов, как, например, устюжский голова Михаил Смывалов в 1621 г.,³ или наведением порядка в документации, как тот же Смывалов на посту главы Устюжской четверти после большого московского пожара 1626 г., но все это лишь применительно к главной задаче — отлаженной работе учреждений, призванных пополнять царскую казну.

Все сказанное позволяет считать, что ограниченность сведений, представленных в таможенных книгах русских городов XVII в., отсутствие устойчивой их номенклатуры обусловлены не степенью профессиональной подготовки таможенных служителей, не уровнем их грамотности и даже образования в целом, а предъявляемыми к ним со стороны руководства требованиями, то есть ограниченными потребностями учета собираемых пошлин. Даже малограмотные люди иной раз имели возможность или были обязаны служить в таможнях, и именно примитивность учета обусловливала появление среди таможенников таких лиц.⁴ Эта же примитивность лишала стимула поиск для замещения вакантных должностей особо образованных кадров. А форма учета диктовалась в Москве в высших управленческих сферах.

³ ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. С. 105. № 27; Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. С. 33–34. № 8.

⁴ Современный исследователь, на наш взгляд, справедливо предполагает, что «низкая грамотность в России связана, скорее, с невостребованностью образования, нежели с отсутствием училищ» (Юркин Н. Г. Опыт сравнительного анализа развития российской и зарубежных систем образования до начала XVIII века // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 26).